

ОСТАНЕМСЯ

Мы останемся чем-то на этой земле:
Поминальной молитвой, свечой на столе,
Фотоснимком в альбоме и креслом в углу,
И плащом на стене, и ковром на полу,
Песней той, что друзья, собираясь, поют,
Третьей рюмкой, что стоя, не чокаясь, пьют,
Болью в памяти дочки, печалью жены,
Оборвавшимся эхом гитарной струны,
Пустотой неоконченных рваных стихов,
Недописанных строк, недосказанных слов,
Нерешённым вопросом о смысле пути,
На который никто не ответил почти,
На который и сам я ответа не дал:
Для чего я родился, любил и страдал?

СОЛОВЬИ

Куда уходит отгоревший день?
На занавесках — тени от ветвей.
Ты знаешь, нашу старую сирень
Облюбовал залётный соловей.

Любимая, взгляжусь в твоё лицо,
Как в омут, окунусь в глаза твои.
Давай, родная, выйдем на крыльцо,
Когда зайдутся в трелях соловьи.

Мы сядем на ступенечках вдвоём,
Оставив все заботы и дела.
Давай с тобой, родимая, споём,
Как по селу казачка утром шла.

Не попоём, а громко покричим,
Как носит Галя воду из ручья.
А может, лучше просто помолчим —
Послушаем рулады соловья.

И все тревоги унесутся прочь —
За облако в серебряных лучах,
Когда качнётся бархатная ночь
Цыганской шалью на твоих плечах.

И будут соловьи свистать в тиши,
Дробить коленца в вымерших садах,
На струнах тихо плачущей души
Играть, как на поющих проводах.

А мы с тобою, позабыв про сон,
Обнявшись, будем слушать без конца
И ощущать, как бьются в унисон
Твоё с моим усталые сердца.

Я никому не пожелаю зла,
О всех, кого обидел, восскорблю.
Прости меня, Господь. Не за дела,
А лишь за то, что верю и люблю.

БЕЗОТЦОВЩИНА

Мой папа безотцовщиною рос:
Отец погиб на фронте под Москвою.
Ходила на работу мать в колхоз,
С тремя детьми была она вдовою.

Детишки выживали, как могли,
Ведь шла послевоенная эпоха.
Те, у кого отцы с войны пришли,
Питались относительно неплохо.

А папка хлеба до сыта не ел,
Остались с детских лет воспоминанья,
Как он и днём и ночью есть хотел,
Изнемогал от этого желанья.

Что можно и не можно, шло в еду:
Дикушку летом и анис жевали,
Толкли, с мукой мешали лебеду,
Зелёные лепёшки выпекали.

В лесу - так там везде еда растёт,
Там можно есть молочные орешки,
А сыроежки рвать - и сразу в рот,
Не зря ж их называют - сыроежки.

И потому наш папа, может быть,
Что в детстве сильно так наголодался,
Любил безумно нас, детей, кормить.
Мы ели - он смотрел и наслаждался.

Мечтал найти могилу он отца.
Всё постоянно говорил про это,
Куда-то слал запросы без конца,
Но письма оставались без ответа.

А у меня сейчас есть Интернет,
И без особых, в общем-то, усилий
Я разузнал, где похоронен дед -
Красноармеец Серяков Василий.

Нет никаких сомнений - это он.
В Ногинске призван - бабка говорила.
Есть снимок места, где он погребен:
В Волоколамске братская могила.

О, как я перед папкой виноват!
Что раньше поискать не догадался,
И умер папа мой пять лет назад,
И без меня с отцом он повстречался.

А слезы из библейских карих глаз
Струились по щекам, не высыхая...
Давно снесли убогий наш барак.
И времена совсем сейчас другие.
Живем мы побогаче, это так.
Да только вот друг другу все - чужие.